

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ **В. Р. Розеномъ.**

ТОМЪ ДВАДЦАТЫЙ.
1910.

(съ приложеніемъ одного портрета и пятидесяти шести рисунковъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лп., № 12.

1912.

Коркудъ въ исторіи и легендѣ.

Легендарная личность Коркуда достаточно извѣстна въ специальной литературѣ¹⁾. Съ его именемъ дошла до насъ рукопись подъ заглавіемъ *کتاب ددم قورقود علی لسان طایفه اوغوزان*, «Книга о моемъ дѣдѣ Коркудѣ, на языкѣ племени Огузовъ», содержащая рядъ эпическихъ разсказовъ, тѣсно связанныхъ между собою слогомъ, выраженіями и событіями, въ нихъ описываемыми. Какъ уже указано въ предшествующей литературѣ, Коркудъ представляется въ этихъ разсказахъ выразителемъ народной мудрости, изрекающимъ афоризмы и являющимся въ концѣ этихъ разсказовъ слагателемъ пѣсни, дающимъ ей названіе; онъ характеризуется въ нихъ не столько богатиремъ, сколько патріархомъ, лицомъ не дѣйствующимъ, а повѣствующимъ. Таковъ типъ этого лица по Китаби-Коркудъ. Героическая личность съ тѣмъ же именемъ Коркуда является и въ сочиненіи Абу-л-Гази Родословная Туркменъ (Шеджерэи-Теракимэ), потомковъ древнихъ Огузовъ. По этому сказанію, Коркудъ-Ата былъ мудрымъ совѣтникомъ (Инакъ-бекомъ) пяти хановъ и прожилъ 95 лѣтъ. А. Г. Туманскій, указавшій сходство въ типѣ Коркуда Туркменской Родословной и книги, посвященной имя этого лица, разумѣется не останавливался на различіи времени и мѣста дѣйствія обоихъ сказаній (по Китаби-Коркудъ эта личность жила около времени пророка, а мѣсто дѣйствія относится въ Малую Азію; по Туркменской Родословной, время — эпоха Аббасидскихъ халифовъ, мѣсто дѣйствія — низовья Сыръ-Дарьи, древнее обиталище Огузовъ) — смѣшеніе времени и мѣста обычная черта народныхъ преданій. У Туркменъ до сего времени сохранилось преданіе о Коркудѣ, долгое время не могшемъ найти себѣ могилу; сходное сказаніе имѣется также и у Киргизовъ, причемъ въ низовьяхъ Сыръ-Дарьи существуетъ, или до послѣдняго времени существовала, могила святого Хорхутъ-Ата²⁾. Наконецъ, по словамъ Олеарія и

1) Литература сосредоточена въ Запискахъ Восточнаго Отдѣленія; см. переводы отдѣльныхъ разсказовъ В. В. Бартольдъ, подъ заглавіемъ Китаби-Коркудъ, З. В. О., VIII, 203—219, XI, 175—194, XII, 037—059 и статьи — А. Туманскаго, По поводу «Китаби-Коркудъ», ib. IX, 269—272; В. Бартольда, Коркудъ, ib. 272—274; А. Диваева, Нѣсколько словъ о могилѣ святого Хорхутъ-ата, ib. X, 193—195; его же, Еще о могилѣ св. Хорхутъ-ата, ib. XIII, 039—041; В. Бартольда, Еще извѣстіе о Коркудѣ, ib. XIX, 073—078.

2) Для локализациі происхожденія сказанія имѣютъ значеніе легендарныя могилы святыхъ или героев. Интересна могила другой легендарной личности турецкихъ сказавій — Сейида Баттали, указываемая въ одномъ изъ монастырей дервишскаго ордена Бекташійевъ (объ этомъ орденѣ см. новѣйшую работу G. Jacob, Die Bektaschijje im ihrem Verhältnis zu

Эвлия-Челеби (XVII в.), у турецкаго населенія Закавказья существовали преданія о пѣвцѣ Коркудѣ, занесенныя вѣроятно въ эпоху Сельджукидовъ (XI—XII в.). Что касается до мѣста возникновенія сказанія, то, несмотря на распространеніе его въ Малой Азіи и Закавказьи, касавшіеся этого вопроса изслѣдователи относятъ его въ Среднюю Азію и считаютъ его перенесеннымъ на западъ позднѣйшими турецкими миграціями.

Таковы судьба и содержаніе сказанія о Коркудѣ и характерныя черты героя его по существующимъ пока изслѣдованіямъ. Древнѣйшимъ, пока извѣстнымъ временемъ упоминанія Коркуда въ турецкой литературѣ являются XV—XVI вѣка, когда это лицо мы встрѣчаемъ въ Тарихи-Али-Сельджуку (вторая четверть XV-го вѣка) и въ Китаби-Коркудъ (единственная рукопись котораго относится къ послѣдней четверти XVI-го вѣка). Интересно отмѣтить, что именно къ этой эпохѣ интенсивнаго расширенія и укрѣпленія османскаго государства относится время дѣятельности единственной исторической личности съ этимъ именемъ въ исторіи Турціи, именно принца Коркуда (ум. въ 1512 г.), сына султана Балызада II-го и брата султана Селима I-го, характеръ и судьбу котораго Хаммеръ сблужалъ съ характеромъ и судьбою его дяди, извѣстнаго Джема¹⁾, и который, по странному совпаденію, въ параллель къ легендарному Коркуду Огузову, былъ извѣстенъ любовью къ поэзіи и музыкѣ и самъ пользовался славой хорошаго поэта и музыканта²⁾. Возможно, что именемъ своимъ этотъ принцъ обязанъ тому распространенію въ эту эпоху сказаній о предкахъ османскаго народа — Огузахъ, о которомъ мы сейчасъ говорили.

При такомъ положеніи вопроса естественно задаться мыслью — не представляетъ ли собою легендарный Коркудъ отраженіе какой-нибудь исторической личности, игравшей роль въ древней исторіи турецкихъ племенъ, въ частности въ исторіи народа Огузовъ или Гузовъ, или по крайней мѣрѣ не можемъ ли мы указать въ исторіи этого народа какое-нибудь событіе, могущее служить для выясненія этого вопроса. Для этого намъ

verwandten Erscheinungen, München, 1909 въ Abhandlungen der königl. Bayer. Akademie der Wissenschaften, I Kl., XXIV Bd., III Abt.) въ Малой Азіи — Н. L. Fleischer, Kleinere Schriften, III, Leipzig, 1888, 253—254. Могила эта, такъ же какъ могила Хорхутъ-Ата, очень велика, что какъ бы указываетъ на большой ростъ и крупное сложеніе погребеннаго въ ней героя. — Въ этомъ же отношеніи (спеціально для опредѣленія проникновенія арабскихъ разсказовъ о Джухѣ въ турецкую среду) представляетъ интересъ могила Наср-ед-дина Ходжи въ Акшехерѣ, въ Малой Азіи.

1) О немъ см. обстоятельную монографію L. Thuasne, Djem-Sultan, fils de Mohammed II, frère de Bayezid II (1459—1495) d'après les documents originaux en grande partie inédits. Etude sur la question d'Orient à la fin du XV-e siècle, Paris, 1892.

2) J. von Hammer-Purgstall, Geschichte des Osmanischen Reiches, 2-te Auflage, Neue Ausgabe, I, Pesth, 1840, 671—672. Ср. N. Jorga, Geschichte des Osmanischen Reiches, II, Gotha, 1909, 309—316.

пужно обратиться къ исторіи Гузовъ. Въ ней, какъ оказывается, мы можемъ отмѣтить данныя, служащія подспорьемъ для выясненія обонхъ отмѣченныхъ положеній.

Въ предшествующей литературѣ было уже указано, что имя Коркудъ весьма древне на турецкой почвѣ — у Константина Багрянороднаго упоминается печенѣжскій вождь *Коуркохътасъ*. Далѣе, было отмѣчено, что именно въ исторіи Гузовъ упоминается у Ибн-ал-Асира ибнъ Коркудъ, стоявшій во главѣ той группы гузскихъ племенъ, въ которую входило племя Баятъ, изъ котораго, по Китаби-Коркудъ, происходила легендарная личность съ этимъ именемъ¹⁾. Дѣйствительно, Ибн-ал-Асиръ подъ 536 г. Х. (1141—1142 г. по Р. Х.) упоминаетъ, что Гузы дѣлились на двѣ группы: Учукъ и Бузукъ²⁾; главой (эмиромъ) первой группы былъ Дуду, сынъ Дадики (*طوطی بن دادیک*), второй Коркудъ-ибн-‘Абд-ал-Хамидъ (*قرغوت بن عبد الحمید*). Упоминаніе этого Коркуда однако имѣется не у одного лишь Ибн-ал-Асира; онъ извѣстенъ и другимъ мусульманскимъ историкамъ, писавшимъ о Гузахъ, и притомъ ихъ извѣстія въ этомъ отношеніи даютъ намъ больше данныхъ для интересующаго насъ вопроса, чѣмъ сообщеніе Ибн-ал-Асира.

Важнѣйшимъ моментомъ въ исторіи Гузовъ является ихъ столкновеніе съ сельджукидскимъ султаномъ Синджаромъ, закончившееся побѣдоноснымъ сраженіемъ ихъ съ сельджукидскими войсками, трехгодичнымъ пребываніемъ въ плѣну у нихъ Синджара и разгромомъ ими всей Хорасанской провинціи³⁾. Произошло это въ 548 г. Х. (1153—1154 г. по Р. Х.). Послѣ этого мимолетнаго, но знаменательнаго событія, столь же неожиданнаго для сельджукидскаго правительства, сколько и для самихъ Гузовъ, и оставившаго значительный слѣдъ въ исторіи восточной половины мусульманскаго міра, исторія Гузовъ снова сводится къ исторіи группы кочевыхъ племенъ, не имѣющихъ существеннаго значенія⁴⁾.

Важнѣйшимъ и древнѣйшимъ источникомъ для исторіи этого событія

1) Въ сообщеніе о Коркудѣ по Ибн-ал-Асиру въ статьѣ В. В. Бартольда (З. В. О., VIII, 204) вкрались двѣ описки или опечатки: Ибн-ал-Асиръ говоритъ о Коркудѣ не въ т. XII, 54, а въ т. XI, 54; имя отца Коркуда было не Абу-л-Хамидъ, а ‘Абд-ал-Хамидъ.

2) Въ текстѣ *ابن قرقوت* и *ابن قرقوت*. Чтеніе этихъ названій восстановлено М. Th. Houtsma, WZKM, II, 220.

3) См. А. Мюллеръ, Исторія Ислама, III, СПБ., 1896, 192—194. Въ русской литературѣ см. еще В. А. Жуковскій, Древности Закаспійскаго края. Развалины Старога Мерва, СПБ., 1894, 29—30 (по Хафизу-Абру, слѣдовавшему Равенди) и В. В. Бартольдъ, Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія, II, СПБ., 1900, 352—353 (по Равенди и Ибн-ал-Асиру).

4) Извѣстія о древнихъ миграціяхъ Гузовъ приведены у Ch. Schefer, *Chrestomathie persane*, I, Paris, 1883, 39—40.

является посвященное исторіи Сельджуковъ сочиненіе 'Имад-ад-дина Исфаханскаго, писавшаго во второй половинѣ XII-го вѣка и современника вторженія Гузовъ. Такимъ образомъ этотъ авторъ является самымъ надежнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній по этому вопросу. Другіе авторы, о которыхъ мы еще упомянемъ дальше, писали всѣ въ слѣдующихъ столѣтіяхъ. Книга 'Имад-ад-дина, въ сокращенной редакціи первой половины XIII-го в., издана Хоутсма ¹⁾, и сообщаемыя въ ней данныя являются вполне доступными. Хотя книга эта, по вполне правильному отзыву ²⁾, «имѣетъ большое значеніе, какъ самый полный (для исторіи событій послѣ 520 г. также самый древній) источникъ по исторіи сельджуковъ», тѣмъ не менѣе исторія вторженія Гузовъ излагалась до сихъ поръ главнымъ образомъ по сообщеніямъ позднѣйшихъ авторовъ. Между тѣмъ, у 'Имад-ад-дина имѣется цѣлая глава, посвященная этому событію (стр. ۲۸۱—۲۸۴, «о событіи съ Гузами въ 548 г.»). Въ цѣлыхъ интересующаго насъ вопроса мы въ нижеслѣдующихъ строкахъ приведемъ свѣдѣнія объ этомъ событіи, находимыя нами въ сочиненіи 'Имад-ад-дина.

По разсказу этого писателя, туркменское племя Гузы было подчинено одному изъ высшихъ сановниковъ сельджукскаго государства—эмиру Кумачу, судя по имени, человѣку также принадлежавшему къ турецкому племени ³⁾; ему они уплачивали слѣдующую съ нихъ подать. Во главѣ Гузовъ стояли два вождя—Коркудъ и Дуду-бекъ (فرغود—по коньсктурѣ издателя, въ рукописяхъ قرغرد, قرقزد, قرغزد — и طوطی بك). Раздраженные притѣсненіями сельджукскаго сановника, Гузы сначала нападаютъ и разбиваютъ его войско, а затѣмъ въ слѣдующемъ сраженіи и его самого. Кумачъ бѣжитъ къ Синджару и убѣждаетъ его наказать Гузовъ. Вопреки желанію окружающихъ его вельможъ, Синджаръ склоняется на просьбы Кумача и выступаетъ противъ Гузовъ. Узнавъ объ этомъ, Гузы хотятъ умиловить султана щедрыми дарами—деньгами и скотомъ, но Синджаръ отказывается принять ихъ. Тогда Гузы приготовляются къ бою. Они выбираютъ мѣсто у выхода лошины, шириной въ рядъ изъ ста всадниковъ, и окружаютъ свое расположеніе кибитками, т. е., по древнему обычаю степной войны, располагаются «таборомъ» ⁴⁾. Когда съ наступленіемъ ночи сельджукское войско

1) M. Th. Houtsma, Recueil de textes relatifs à l'histoire des Seldjoucides, II, Histoire des Seldjoucides de l'Iraq par al-Bondâri d'après Imâd ad-din al-Kâtib al-Isfahâni, Lugduni Batavorum, 1889. Объ этомъ сочиненіи, кромѣ предисловія Houtsma къ изданію, см. еще рецензію бар. В. Р. Розена въ З. В. О., IV, 449—450.

2) В. В. Бартольдъ, о. с., 29.

3) Эмиръ Кумачъ (قماج) неоднократно упоминается у 'Имад-ад-дина, см. указатель, стр. ۲۱۶.

4) Защита таборожъ — исконный кочевой обычай и поэтому не правъ г. Оман, приписывающій изобрѣтеніе ея Гуситамъ, отъ которыхъ ее яко-бы переняли Османы, отъ

вступаетъ въ лошину, Гузы совершаютъ нападеніе, убиваютъ Кумача, окружаютъ Синджара и берутъ его въ плѣнъ. Вождь Гузовъ встрѣчаетъ султана съ почтеніемъ и привѣтственной рѣчью. Гузы относятся къ нему какъ къ повелителю и, держа три года въ плѣну, оказываютъ всяческія почести, при чемъ даже не садятся въ его присутствіи, всѣ, за исключеніемъ Коркуда¹⁾ и вождя ихъ (эмира) Дуду-бека. Затѣмъ они вторгаются въ Хорасанъ, разрушаютъ Нишапуръ, овладѣваютъ Мервомъ, Балхомъ и другими городами. Послѣ трехгодичнаго плѣна Синджару удается бѣжать²⁾).

Въ вышеприведенномъ извѣстіи насъ главнымъ образомъ интересуютъ имена гузскихъ вождей. Сначала говорится, что Гузы въ мирное время были подъ начальствомъ двухъ вождей — Коркуда и Дуду-бека. Далѣе, эти лица упоминаются еще разъ: Коркудъ и *вождь (эмиръ)* Дуду-бекъ. Это упоминаніе относится уже ко времени ихъ военныхъ дѣйствій. Изъ этихъ сообщеній явствуетъ, что во время войны власть была передана одному изъ двухъ главарей народа. Дѣйствительно, кромѣ того, въ описаніи плѣненія Синджара его встрѣчаетъ и привѣтствуетъ *вождь (эмиръ)*, въ единственномъ числѣ Гузовъ³⁾. Интересно также отмѣтить, что повидимому и въ мирное время Дуду пользовался большей властью — къ его имени прилагается прозваніе *бекъ*, тогда какъ Коркудъ бекомъ не именуется. При всемъ томъ однако, Коркудъ оба раза названъ первымъ, въ чемъ можно усматривать нѣкоторое преимущество этого лица передъ бекомъ.

Указанныя сейчасъ соображенія обращаютъ насъ къ личности легендарнаго Коркуда. Опъ, какъ мы говорили уже раньше, также не бекъ — онъ только мудрый совѣтникъ, дожившій до глубокой старости и служившій нѣсколькимъ ханамъ. Его извѣстность обязана его авторитету, а не фактической власти. Это сходство въ характеристикѣ склоняетъ насъ къ

Османовъ Персы, отъ Персовъ султанъ Бабуръ (см. единственную въ научной литературѣ монографію о Бабурѣ, которая заслуживала-бы, при нѣкоторыхъ измѣненіяхъ, перевода на русскій языкъ — Stanley Lane-Poole, *Bābar*, Oxford, 1899, 162, note). О «позовой защитѣ» въ древней Руси и ея кочевомъ происхожденіи см. П. В. Голубовскаго, Съ какого времени можно прослѣдить на югѣ Руси способъ защиты таборомъ, Москва, 1901.

1) Судя по отсутствію при этомъ упоминаніи имени Коркуда примѣчанія издателя съ указаніемъ на разночтенія, можно думать, что въ этомъ мѣстѣ текста рукописей имя написано правильно.

2) Разсказъ 'Имад-ад-дина не подтверждаетъ вторую версію описанія этого событія у Ибн-ал-Аспра (см. В. В. Бартольдъ, о. с., 352, пр. 2), согласно которой Синджаръ былъ дважды разбитъ Гузами и лишь послѣ второго пораженія попалъ въ плѣнъ.

3) Этимъ (стр. глг,15) устраняется предположеніе, что сопровождающее имя Дуду-бека слово *الامير* въ дальнѣйшемъ изложеніи (стр. глг,1) поставлено для рѣшѣнія съ предшествующимъ *السردر* (сочиненіе 'Имад-ад-дина, какъ извѣстно, написано риемованной прозой).

предположенію, что легендарный Коркудъ есть отраженіе историческаго гузскаго вождя.

Обратимся теперь къ извѣстіямъ объ этомъ событіи у позднѣйшихъ мусульманскихъ писателей. Слѣдующимъ послѣ 'Имад-ад-дина историкомъ, касавшимся вторженія Гузовъ, былъ персидскій авторъ Равенди, писавшій въ началѣ XIII-го вѣка. У него, такъ-же какъ у 'Имад-ад-дина, упомянуты два вождя Гузовъ съ тѣми-же именами—Коркудъ (قرد) и Дуду-бекъ (دودی بک)¹⁾. Другой персидскій историкъ Джузджани хотя и упоминаетъ обоихъ вождей, но среди приводимыхъ имъ именъ пяти военачальниковъ²⁾. Ибн-ал-Асиръ, извѣстный своей освѣдомленностью и сообщившій предварительно извѣстіе о Коркудѣ и Дуду-бекѣ, равнѣ нами указанное, при разсказѣ о событіяхъ 548 г. называетъ однако (XI, 114) шесть вождей, среди которыхъ мы находимъ Дуду, но не видимъ Коркуда³⁾. При военныхъ дѣйствіяхъ противъ Синджара Гузы, по его словамъ (XI, 114), выбрали *одного* начальника; однако это лицо съ другимъ именемъ, именно нѣкій Арсланъ-Бука⁴⁾. Однако Казвини въ Асар-ал-биладъ, разсказывая о пораженіи Синджара Гузами и упоминая также одного вождя, называетъ его Дуду-бекомъ⁵⁾. Въ извѣстіяхъ Ибн-ал-Асира интересно еще отмѣтить, что онъ называетъ Гузовъ мусульманами (XI, 114; Казвини, наоборотъ, считаетъ ихъ христіанами) и, по вышеприведенному извѣстію, даетъ отцу Коркуда мусульманское имя ('Абд-ал-Хамидъ), а Дуду называетъ сыномъ Дадика, возможно не мусульманина. Не обязанъ-ли Коркудъ⁶⁾ своей популярностью въ извѣстной степени и связямъ съ исламомъ?

Что касается до личности Дуду-бека, то намъ не представляется яснымъ — какова его роль въ народномъ преданіи. Возможно, что этотъ активный дѣятель событій 548 г. не оставилъ слѣда въ народной памяти, благодаря кратковременности своего правленія. Въ Туркменской Родословной мы находимъ указаніе, что Коркудъ служилъ слѣдующимъ ханамъ:

1) Ch. Schefer, Tableau du règne de sultan Sindjar par Mohammed ibn Aly Ravendy, Nouveaux Mélanges Orientaux, Paris, 1886, texte 46, traduction 30. Упомянуты Коркуда у Равенди, Джузджани и Ибн-ал-Асира указаны въ изданіи Houtsma, гл., note a.

2) H. G. Raverty, Tabakat-i-Nasiri, A general history of the muhammadian dynasties of Asia, transl. by —, I, London, 1881, 156: Tuti (т. е. Дуду), Kurgharat (т. е. Коркудъ), Malik Dinar, Ibrahim and Khutali.

3) Динаръ, Бахтіяръ, Дуду, Арсланъ, Чагыръ (Чагры; въ текстѣ جغر), Махмудъ.

4) Въ текстѣ — ارسلان موقا.

5) F. Wüstenfeld, Zakarija ben Muhammed el-Cazwini's Kosmographie, herausgegeben von —, II, Göttingen, 1848, 134 (о расположеніи между двумя горами ср. тамъ-же гл., 7—10).

6) Отмѣтимъ, что Коркудъ было, кажется, и женскимъ именемъ—ср. M. Th. Houtsma, Recueil de textes relatifs à l'histoire des Seldjoudides, I, Histoire des Seldjoudides du Kermân, Lugduni Batavorum, 1886, 14v, 18 (قردت); ср. въ одной рукописи 'Имад-ад-дина 'قرد.

Иналь-Яви, Дуйли-Кайю, Ирки, Туману и Канлы-Яули. Ни съ однимъ изъ этихъ лицъ мы не имѣемъ данныхъ сближать историческаго Дуду-бека¹⁾.

Такимъ образомъ, подводя итогъ вышеприведеннымъ соображеніямъ, мы склонны видѣть въ легендарномъ Коркудѣ отраженіе Коркуда историческаго, одного изъ вождей Гузовъ въ важнѣйшій моментъ ихъ исторической жизни — во время ихъ побѣдоносной борьбы съ могущественнымъ сельджукидскимъ султаномъ.

К. Иностранцевъ.

Февраль 1910 г.

Султанъ Синджаръ и гузы.

(По поводу статьи К. А. Иностранцева).

Въ дополненіе къ тѣмъ извѣстіямъ о столкновеніи между сельджукидскимъ султаномъ Синджаромъ и гузами, которыя собраны въ статьѣ К. А. Иностранцева, позволяю себѣ напомнить о существованіи еще одного источника — официального документа, упомянутого бар. Розеномъ въ каталогѣ рукописей учебнаго отдѣленія восточныхъ языковъ²⁾ и изданнаго (въ извлеченіи) мною³⁾. Документъ представляетъ письмо къ предводителю гузовъ отъ имени хорезмшаха Атсыза; титулъ и имя лица, къ которому обращено письмо: «Славнѣйшій, великій эмиръ и военачальникъ Насир-ад-динъ Абу-Шуджа'-Дуду, сынъ Исхака, сына Хызра». Такимъ образомъ, уже отецъ и дѣдъ Дуду-бека носили мусульманскія имена (можетъ быть, рядомъ съ турецкими), и предположеніе, что отецъ предводителя гузовъ не былъ мусульманиномъ, повидимому, должно отнестъ.

Документъ важенъ для насъ еще въ другомъ отношеніи. По словамъ большинства историковъ⁴⁾, въ томъ числѣ и по разсказу 'Имад-ад-дина

1) Не отразилось-ли воспоминаніе объ этомъ лицѣ въ имѣющемъ звуковое сходство съ именемъ Дуду прозвищѣ Коркуда въ Китаби-Коркудъ и въ Тарихи-Али-Сельджукутъ дѣдомъ, «дэдэ», «д» (вообще говоря, въ устномъ преданіи Коркудъ именуется «ата», آتا, отецъ)? «Дуду» (въ каз. нарѣчьи тутъ, طوطا) въ турецкомъ языкѣ означаетъ опредѣленные родственныя отношенія и переводится «старшая сестра», «старшая дочь», «тетка» (старшая сестра отца).

2) Collections scientifiques de l'institut des langues orientales du ministère des affaires étrangères, III, 152.

3) В. Бартольдъ, Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія, ч. I, стр. 28 и слѣд.

4) Къ числу разсказовъ, на которые ссылается К. А. Иностранцевъ, можно еще присоединить прибавленіе неизвѣстнаго автора къ «Муджмилу» (ср. Туркестанъ, ч. II, стр. 28): بسیار کسی را از لشکر سلطان بکشتند و سلطان سجزرا بکرفتند و همچنان با خویشانی می آوردند بر آیین سلطنت الا انک خدمتکاران از آن خویشی نصب کردند و بمرور آمدند و دست بغارت دادند (Cod. Anc. Fonds Persan № 62, f. 348).

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ В. Р. Розеномъ.

— — — — —

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.
1916.

(съ 1 портретомъ и 7 таблицами).

ПЕТРОГРАДЪ.
ТИПОГРАФІЯ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линия, № 12.
1917.

Къ исторіи до-мусульманской культуры Средней Азіи.

Извѣстенъ разсказъ Геродота (IV, 71—72) о погребеніи скиѣскихъ царей: выкопавъ четырехугольную яму на мѣстѣ погребенія въ отдаленной мѣстности Герровъ, они, натеревъ покойника воскомъ и набальзамировавъ его, обвозятъ трупъ по подвластнымъ имъ народамъ, а прибывъ на кладбище царей, кладутъ трупъ въ могилу, сопровождая это погребеніе убіеніемъ и похоровами тамъ же нѣкоторыхъ близкихъ ему лицъ и принесенныхъ въ жертву первенцевъ лошадей и другого скота, съ присоединеніемъ ко всему этому золотыхъ чашъ и насыпаніемъ высокаго кургана. По прошествіи года, выбирается пятьдесятъ лучшихъ лошадей и столько-же избранныхъ слугъ царя, тѣ и другіе удавливаются и вокругъ кургана устанавливаются на столбахъ остовы лошадей съ прикрѣпленными къ нимъ трупами всадниковъ. Способъ устройства этого, сопровождающаго черезъ годъ погребеніе обряда подробно излагается Геродотомъ.

Въ свое время я отмѣтилъ¹ извѣстіе Амміана Марцеллина (XIX, 1, 10) объ обрядѣ, предшествовавшемъ сожженію и помѣщенію въ серебряную урну костей убитаго въ борьбѣ съ римлянами сына царя Хіонитовъ. Трупъ его былъ въ воинскомъ вооруженіи помѣщенъ на высокомъ помостѣ, а вокругъ него было разставлено десять ложъ съ изображеніями умершихъ людей, которыя были такъ хорошо исполнены, что совершенно походили на покойниковъ.

Интересную параллель къ этимъ обрядамъ представляетъ описаніе связанныго съ погребеніемъ покойниковъ у горцевъ Кафпристана, такъ на-

¹ О древне-иранскихъ погребальныхъ обычаяхъ и постройкахъ, Жур. Мин. Нар. Просв., 1909, мартъ, 116, пр. 1. Ср. ЗВО., XIX, X—XI и XIV.

зываемых Сіяхпушей, обычая¹ воздвигать въ память его на кладбищѣ (*шенитанъ*) особаго рода изображенія, описаніе, приведенное Робертсономъ въ его книгѣ о Кафирахъ Хиндукуша². Черезъ годъ послѣ смерти покойника, въ его память дѣлается особое изображеніе, которое по художественному исполненію зависитъ отъ имущественнаго положенія семьи усопшаго. Тризна приурочивается именно ко времени воздвиганія этихъ изображеній т. е. черезъ годъ послѣ смерти. Женщины такъ же получаютъ въ свою память эти изображенія, какъ и мужчины и, несмотря на рассказы туземцевъ, авторъ описанія видѣлъ изображенія женщинъ, сидящихъ на лошадяхъ. Изображенія эти дѣлаются изъ дерева и нѣкоторые изъ нихъ весьма велики. По типу они представляютъ большое разнообразіе и отличаются особыми именами. Ихъ либо держатъ подъ навѣсами, либо просто выставляютъ на воздухъ. Сдѣланы они изъ дерева; наиболѣе тяжелыя начаты при помощи топора и ножа въ лѣсу, а окончены въ деревнѣ. Лучшія изображенія имѣютъ на лѣвой рукѣ маленькую фигурку, держащую дудку; другія — такую-же фигурку, прикрѣпленную къ ручкѣ сидѣнія. Нѣкоторые изъ большихъ изображеній украшены рисунками и рѣзбой; часто вокругъ головы повязываются куски матеріи, а къ бровямъ прикрѣпляются кедровыя вѣтви. Носъ и брови изображеній намѣчаются рѣзцомъ, а бѣлые камешки отмѣчаютъ глаза, ротъ и иногда зубы. При этихъ изображеніяхъ имѣется и оружіе. Въ то время, какъ изображенія мужчинъ имѣютъ на головѣ тюрбанъ, женскія изображенія носятъ особый уборъ, возможно грубое подражаніе рогообразнымъ шапкамъ, составляющимъ головной уборъ женщинъ этой мѣстности³. Подробное описаніе этихъ изображеній заняло бы, по мнѣнію автора, слишкомъ много мѣста и времени и наилучшее представленіе о нихъ можно сдѣлать по фотографіямъ или рисункамъ, каковыя и приложены къ его книгѣ⁴. Весьма распространеннымъ способомъ является также устройство небольшихъ изображеній на концахъ шестовъ, укрѣпляемыхъ на пьедесталѣ въ три фута вышиной и два шириной; шесты эти четырехугольны и на лицевой сторонѣ имѣютъ горизонтальныя зарубки

¹ Объ этомъ обычѣ имѣются и ранѣ краткія указанія въ литературѣ, см. напр. В. В. Григорьевъ, Кабулистанъ и Кафиристанъ (Землеуѣдніе Азіи К. Риттера), СПб., 1867, 610.

² G. S. Robertson, The Kafir of the Hindu-Kush, London, 1896, 645—651. О погребеніи въ Кафиристанѣ см. и мои соображенія—ЗВО, XVIII, 064—068 и табл. III.

³ Ср. мои соображенія въ Извѣстіяхъ Имп. Академіи Наукъ, 1909, 135—139.

⁴ Robertson, о. с. 647, 376 (къ сожалѣнію, изображенія приведены по рисункамъ отъ руки, а не по фотографіямъ). Другая форма увѣковѣченія памяти усопшаго — устройство менгира, размѣрами около трехъ футовъ высотой; такихъ менгировъ много во всемъ Кафиристанѣ, причѣмъ обрядъ устройства ихъ очень простъ — приносится въ жертву козель, кровью его обливаются камни, и все кончено.

по числу убитых покойниковъ при жизни враговъ. Эти изображенія воздвигаются исключительно въ память войнъ¹. Болѣе совершеннымъ памятникомъ, являются, повидимому, ворота, устраиваемыя въ болѣе или менѣе удаленномъ отъ жилья мѣстѣ. Ворота эти состоятъ изъ двухъ четырехугольных каменныхъ столбовъ отъ пяти до шести футовъ высотой, между которыми находится деревянная дверь съ порогомъ. Дерево украшено рѣзбой. Надъ каждымъ столбомъ возвышается четырехугольный шестъ, на верху котораго прикрѣплено по небольшому снабженному оружіемъ изображенію на особомъ сидѣніи или на лошади. Шесты также имѣютъ горизонтальныя нарубки. Надъ воротами часто прикрѣпляется еще одно изображеніе съ какимъ-нибудь музыкальнымъ инструментомъ для развлечения усопшаго героя².

Приведенное описаніе изображеній покойниковъ³, сидящихъ на особыхъ сидѣніяхъ или на лошадяхъ, водружаемыхъ около селеній⁴ и приносимыхъ иногда въ «общественный домъ» этихъ селеній⁵, представляетъ сходство съ извѣстіями объ идолахъ, служащихъ предметомъ поклоненія горцевъ Кафиристана, при чемъ послѣдній видъ увѣковѣченія покойника — сооруженіе воротъ съ двумя изображеніями можетъ быть сопоставляемо съ такъ называемыми «рядами изображеній предковъ»⁶; въ кафиристанскихъ

¹ О. с. рис. при стр. 648 (ср. 114, 396, 409).

² О. с. рис. при стр. 17.

³ Таковыми признаются и т. н. «каменные бабы», наилучшимъ объясненіемъ которыхъ считается свидѣтельство Рубрука отъ XIII в. (насыпаніе холма надъ усопшимъ и воздвиганіе ему статуи) и турецкіе памятники на Орхонѣ отъ VIII в. (количество камней при могилѣ, соответствующее количеству убитыхъ враговъ, во главѣ съ изображеніемъ главнаго врага), см. Н. И. Веселовскій, Мнимыя каменные бабы (Вѣстникъ Археологін и Исторіи, XVII), СПб., 1905 и его-же, Современное состояніе вопроса о «Каменныхъ бабахъ» или «балбахахъ» (Зап. Имп. Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, XXXII), Одесса, 1916. Отмѣчу къ бібліографіи вопроса, приведенной въ этихъ статьяхъ, кромѣ А. В. Прохоровъ, Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ и обстановки жизни народной, СПб., 1881—5 и замѣтки автора статей, О каменныхъ бабахъ въ Таврической губерніи, Арх. Изв. и Зам., III, 1895, 65—67 — А. В. Селивановъ, Древности Исыкъ-Кульской котловины, Арх. Изв. и Зам., IV, 1896, 220, Чириковъ, Каменные бабы Харьковской губерніи, Зап. Имп. Харьк. Univ., 1901, приложение 4, 9—25 и E. Wolter, Göttersteine und Steinbilder in Südrussland, Böhmen und Litauen, Archiv für Religionswissenschaft, II, 258—261. Какъ сравнительный матеріалъ см. напр. Ф. Ратцель, Народовѣдѣніе, I, СПб., 1900, 46, 460 и въ другихъ мѣстахъ.

⁴ См. Robertson, о. с. 201.

⁵ См. о. с. 215 и 219.

⁶ По типу съ этими «рядами изображеній предковъ» (о нихъ см. H. Schurtz, Das Augenornament und verwandte Probleme, Abhandlungen der phil.-hist. Classe der k. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften, XV, № 11, Leipzig, 1895, 45—68, Abnenreien und Wappentafeln, 45—68 и 22, Taf. I, 3 и III, 10 и 11; ср. Ф. Ратцель, о. с. I, 391) можетъ быть сблизяемъ т. н. Збручскій истуканъ (о немъ см. напр. И. И. Срезневскій, О Збручскомъ истуканѣ Краковскаго музея, Зап. Имп. Арх. Общ., V и L. Wilser, Alte Steinbildsäulen in Osteuropa, Globus, 63, 1893, 157—159).

памятниках имѣются оба элемента чествованія усопшаго: и сооруженіе въ память его изображенія, и упоминаніе числа убитыхъ имъ враговъ. Въ главномъ храмѣ верховнаго божества кафиристанцевъ¹ имѣется восемь громадныхъ, сдѣланныхъ изъ дерева, изображеній этого божества, изображеній вышиной въ семь футовъ и представляющихъ это божество въ сидячемъ положеніи съ покрытой сплошь рѣзбой чашкой въ рукахъ, изображающей дѣлаемую изъ козьей шерсти маслособойку. Четыреугольный подбородокъ идола въ длину рукъ достигаетъ маслособойки, находящейся въ рукахъ божества. Идолъ рѣзбой представленъ закутаннымъ въ одежду съ головой. Другія, еще большихъ размѣровъ изображенія поддерживаютъ кровлю храма.

Описанія этихъ идоловъ напоминаютъ древнія извѣстія о завоеваніи арабами Западнаго Туркестана. Извѣстны сообщенія мусульманскихъ авторовъ о найденныхъ арабами при занятіи различныхъ мѣстностей Мавараннахра идолахъ. Балāзурі упоминаетъ о такихъ въ Пейкендѣ, Зеиндаверѣ, Баміянѣ²; Табарі³ и Наршахъ⁴ — въ Пейкендѣ. Одинъ изъ *тархāновъ* Мавараннахра, иранскій *дижканъ* призывалъ яко-бы перешедшаго въ исламъ соплеменника Бармека вернуться къ прежней религіи, которую общившій извѣстіе называетъ «поклоненіемъ идоламъ»⁵, а завоеватель Самарканда Кутайба-ибн-Муслимъ при покореніи города приказалъ сжечь массу найденныхъ тамъ идоловъ, хотя жители и угрожали смертью тому, кто посягнетъ на ихъ уничтоженіе⁶. Въ Бухарѣ, на базарѣ Мāхъ, еще долго послѣ мусульманскаго завоеванія продолжалось изготовленіе идоловъ, на что уже неоднократно указывалось въ изысканіяхъ по этому вопросу⁷. Эти предметы культа были, весьма вѣроятно, похожи на идолы пантикапейскихъ варваровъ гунно-болгарскаго племени, идолы, которые, будучи перелиты въ слитки, вызвали бунтъ этихъ варваровъ при Юстиніанѣ, о чемъ разсказываетъ Малала⁸. И китайскіе источники говорятъ объ идо-

¹ Robertson, о. с. 390—391.

² W. Tomaschek, Centralasiatische Studien, I, Sogdiana, Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Classe, 87, 1877, 168 (=104 отд. отт.; ср. ib. 167—168=103—104).

³ Annales, II, 1188.

⁴ Мухаммедъ Наршахи, Исторія Бухары, пер. съ перс. Н. Лыкошина, Ташкентъ 1897, 59.

⁵ Bibliotheca Geographorum Arabicorum, V, 323—324 (عبادة الأوثان) о спеціальномъ значенія слова *وثن* ср. J. Wellhausen, Reste arabischen Heidentums², Berlin, 1897, 15, анм. 1 и 102, анм. 2).

⁶ Табарі, II, 1246 (93 г. Хиджры).

⁷ О древне иранскихъ погребальныхъ обычаяхъ и постройкахъ, 110, пр. 2.

⁸ В. Г. Васильевскій, Житіе Іоанна Готскаго, Труды — изд. Имп. Академіи Наукъ, II, 2, СПб., 1912, 383 (изъ Жур. Мин. Нар. Просв., 1878, Январь). По Ибн-Русте (Bibliotheca

лахъ въ Западномъ Туркестанѣ — такъ, во владѣніи Цао (Иштиханъ), въ нѣсколькихъ ли къ югу отъ рѣки Нами (Зеряфшанъ), которымъ управлялъ сынъ владѣтеля Кана (Самарканда), упоминается золотой истуканъ въ 15 футовъ въ объемѣ и соотвѣтственной высоты¹. Въ самомъ Канѣ тѣ-же извѣстія упоминаютъ храмъ предковъ², гдѣ имъ приносились жертвы.

Приведенныя извѣстія обращаютъ наше вниманіе на одну изъ наиболее интересныхъ группъ археологическихъ памятниковъ Западнаго Туркестана, именно на такъ называемые оссуаріи, костехранилища³. Въ этой категоріи памятниковъ оссуаріи круглой формы, сближавшіеся съ формой кочевого жилища, кромѣ обыкновеннаго типа — круглаго глинянаго ящика съ крышкой, имѣютъ и нѣсколько болѣе усовершенствованную форму, выражающуюся въ орнаментациі крышекъ. Одни изъ нихъ въ видѣ ручки крышки имѣютъ изображеніе птицы, другіе — человѣческую голову. Извѣстны первобытныя вѣрованія, отождествляющія отходящую душу съ улетающей птицей. Въ интересующемъ насъ вопросѣ мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе связанныхъ съ этимъ представленіемъ вѣрованій различныхъ народовъ и обратимъ вниманіе лишь на сходныя вѣрованія тѣхъ народовъ, которые имѣли въ до-мусульманскую эпоху отношеніе къ культурѣ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ были находимы интересующіе насъ оссуаріи. Гр. Г. Куунъ⁴ обратилъ вниманіе на сходныя вѣрованія у турецкихъ и уральскихъ народовъ. Въ орхонскихъ надписяхъ понятіе смерти обозначается словомъ «улетѣть»⁵, при чемъ въ словѣ для обозначенія рая, авторъ усматривалъ въ первоначальномъ смыслѣ обозначеніе того мѣста, куда слетались души умершихъ. Въ позднѣйшихъ турецкихъ памятникахъ среднеазиатской литературы Гр. Куунъ также отмѣтилъ соотвѣтствующія цитаты — напр. выраженіе Абū-л-Гāзй о смерти Чингизъ-хана и стихъ въ LXVIII пѣснѣ узбекскаго эпическаго стихотворенія Шейбаниада. Тотъ же

Geographorum Arabicorum, VII, 148), царь Алакъ былъ христіанинъ, но его подданные — язычники, идолопоклонники (يعبدون الأصنام). Если принять указанное уже мною различіе между *وثن* и *صنم*, то Аланы поклонялись идоламъ, сдѣланнымъ изъ золота, серебра или дерева (أصنام) — въ противоположность *أوثان*, идоламъ, сдѣланнымъ изъ камня).

¹ О. Іакинѣвъ, Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азій въ древнія времена, III, СПб., 1851, 187 и 204; ср. тамъ-же, I, 1, СПб., 1851, 38 (золотой идолъ Хувновъ) и I, 2, СПб., 1851, 223 (обложенный жемчугомъ идолъ Жужанъ).

² Тамъ-же, III, 182 и 196.

³ Въ западно-европейской литературѣ стѣнка оссуарія съ лѣпыми головками издавна напр. у A. Stein, Ancient Khotan, II, Oxford, 1907, pl. LXXXVIII (о ней въ текстѣ I, ib., 1907, 519—520; ср. 260—261, 273—280).

⁴ Graf Géza Kuun, Der Glaube an den Seelenvogel bei den Morgenländern, сборникъ Kulturgeschichtliches aus der Tierwelt (Vom Verein für Volkskunde und Linguistik in Prag seinen Mitgliedern gewidmet zum zwölften Jahrestag seines Bestandes), Prag, 1904, 22—26.

⁵ Ср. напр. еще ЗВО, XII, 110.

авторъ отмѣтилъ такое значеніе и въ персидскомъ языкѣ — персы называютъ «птицей докончанія», «птицей-аминъ», ангела, который летя все время произноситъ слово «аминъ». Ранѣе¹, мы сближали головки на четырехугольных оссуаріяхъ съ душами умершихъ или ангелами хранителями живыхъ, такъ называемыми «фравашами»; крышки круглыхъ оссуаріевъ украшаютъ тоже птицы-ангелы (у персовъ — «фириштъ»)². Такимъ образомъ, круглые оссуаріи съ крышкой-птицей представляютъ собою вмѣстилище остатковъ тѣла съ крышкой, олицетворяющей улетѣвшую душу. Особый интересъ представляютъ крышки въ видѣ головъ³. Не вдаваясь въ вопросъ о возможномъ антропологическомъ типѣ этихъ головъ, отмѣчу, что отсутствіе череповъ въ оссуаріяхъ можетъ имѣть связь съ вѣрованіями мадаизма⁴. Согласно строго проведенному дуализму не только весь міръ представлялся противоположеніемъ добраго и злаго началъ, но подѣ понятія твореній Ормузда и Аримана подходили и опредѣленные выраженія соотвѣтствовавшихъ Ормузду или Ариману понятій. Среди этихъ добрыхъ и дурныхъ понятій и словъ мы имѣемъ «голову» и «черепъ»: первое понятіе и означающее его слово (*вагдана*) считается ормуздовымъ; второе понятіе и означающее его слово (*камереда*) — аримановымъ⁵. Итакъ, этотъ типъ круглыхъ оссуаріевъ представляетъ собою вмѣстилище остатковъ тѣла съ крышкой, изображающей голову покойника. Самый типъ долженъ быть отнесенъ къ такъ называемымъ «лицевымъ урнамъ»⁶. Добавлю, что по вышеприведенному описанію Робертсона⁷, гробы кафиристанцевъ, не сжигающихъ и не зарывающихъ въ землю своихъ покойниковъ, предназначены не только для одного, но и для нѣсколькихъ лицъ и только чѣмъ-либо выдавшіеся изъ нихъ могутъ устраивать единичное погребеніе; гробы-же ихъ хра-

¹ О древне-иранскихъ погребальныхъ обычаяхъ и постройкахъ, 110.

² См. изображенія въ Протоколахъ Туркестанскаго Кружка Любителей Археологій, годъ двѣнадцатый, Ташкентъ, 1908, 80—81.

³ Превосходный образецъ такой крышки, предназначавшейся для весьма большого оссуарія изданъ въ ЗВО, XVI, табл. (I) VI, 2.

⁴ И завоеваніе арабами Мавараннахра дало поводъ къ образованію весьма распространеннаго типа сказаній объ устройствѣ пирамидъ изъ череповъ побѣжденныхъ враговъ: послѣ битвы около Термеза (85 г. X.) арабы изъ головъ побѣжденныхъ враговъ устроили двѣ пирамиды (جوسقین, перс. کوشک), плотно сложивъ черепа (Табарі, Annales, II, 1155).

⁵ Grundriss der iranischen Philologie, II, 628—629. Также L. J. Frachtenberg, Etymological Studies in Ormazdian and Ahrimanian words in Avesta, Spiegel Memorial Volume, Bombay, 1908, 269—289.

⁶ О древне-иранскихъ погребальныхъ обычаяхъ и постройкахъ, 109. Какъ сравнительный матеріалъ, отмѣчаю напр. Л. Нидерле, Человѣчество въ доисторическія времена, СПб., 1898, 326 и въ другихъ мѣстахъ (ср. Ф. Ратцель, о. с. II, 1901, 44).

⁷ О. с. 641.

нятся не зарытыми въ землю, а на воздухѣ, и постепенно пополняются по мѣрѣ уничтоженія праха давно усопшихъ¹.

Значительныя недоумѣнія вызывало извѣстіе Табарі и Наршахъ объ отдѣленіи мяса отъ костей труп² умершаго владѣтеля Бухары³. Въ Исторіи Сѣверныхъ Дворовъ и въ Исторіи Суйской династіи сообщается, между прочимъ, о царствѣ Се-пи (западные тибетцы; мѣстоположеніе къ югу отъ Тянь-шаня), что тамъ по смерти вельможи сдираютъ съ него кожу, кости съ мясомъ, пересыпанныя золотымъ порошкомъ, кладутъ въ урну и зарываютъ въ землю, а черезъ годъ зарываютъ и кожу, положенную въ желѣзную урну⁴. Обычай отдѣленія кожи, мяса и костей труп² до недавняго времени существовалъ у нѣкоторыхъ первобытныхъ народовъ; вотъ какъ описывается самый процессъ отдѣленія мяса отъ костей покойника у австралійцевъ: «Тѣло умершаго клали между двумя кострами и поджаривали по извѣстнымъ правиламъ. Когда кожа чернѣла со всѣхъ сторонъ, распорядитель церемоніи проводилъ на трупѣ мѣломъ продольныя и поперечныя линіи, разнималъ его ножомъ по этимъ линіямъ отъ головы до ногъ, отдѣляя голову отъ туловища и разрѣзывалъ каждый членъ на нѣсколько кусковъ»⁵.

Въ другомъ мѣстѣ⁶ я имѣлъ случай упомянуть косвенное свидѣтельство Табарі о погребеніи у турокъ при извѣстіи о сожженіи костей турецкаго (тюргешскаго) бека Курсуля арабскимъ намѣстникомъ (121 г. Х.)⁷. Нѣсколько ранѣе, тотъ же авторъ⁸, разсказывая объ убійеніи этимъ бекомъ Хакана Турокъ (119 г. Х.), сообщаетъ, что турки покинули тѣло Хакана и оставили трупъ его въ такомъ положеніи, въ какомъ онъ былъ тотчасъ послѣ убійства; лишь по истеченіи нѣкотораго времени нѣсколько бухар-

¹ См. напр. о. с. 201, съ чѣмъ ср. О древне-иранскихъ погребальныхъ обычаяхъ и постройкахъ, 120.

² См. Нидерле, о. с. 129 и 623, пр. 249.

³ Имя котораго Тугшада я считаю турецкимъ титуломъ отъ *توغ*, «туизъ», бунчукъ и орхонскаго «шаділ», князь—бунчукный князь» (ср. напр. у Табарі, II, 1693—1694, 121 г. Х. — *طوق سیاده*).

⁴ Собраніе свѣдѣній, III, 185 и 199 (ср. E. Chavannes, Documents sur les Tou-kiue (Tures Occidentaux), СПб., 1901, 169, note).

⁵ Ратцель, о. с. I, 365. О натираніи покойниковъ у океанійцевъ послѣ погребенія, ib., I, 322: «черезъ нѣкоторое время (послѣ похоронъ) могила раскапывалась, трупъ вынимался и натирался на локтяхъ и колѣняхъ красной глиной». Обрядъ вынесенія тѣла черезъ проломъ въ стѣнѣ, упоминаемый Авестой, имѣетъ аналогію у южныхъ африканцевъ, см. ib. I, 747.

⁶ О древне-иранскихъ погребальныхъ обычаяхъ и постройкахъ, 115—116.

⁷ По этому поводу Табарі (II, 1691) сообщаетъ о сожженіи турками кочевья Курсуля (яко-бы 4000 шатровъ) и олакиваніемъ съ исцарапываніемъ лицъ и разрѣзываніемъ ушей (о послѣднемъ обычаѣ см. еще ib. II, 1520).

⁸ Annales, II, 1613.

скихъ вельможъ похоронили его¹ и сдѣлали все, соответствующее обряду. Хотя извѣстіе относится къ исключительному случаю, оно находитъ себѣ подтвержденіе въ обрядѣ погребенія орхонскихъ турокъ, а невозможность имѣть кости послѣ сожженія вышеупомянутаго Курсуля составляло горе его подданныхъ².

Погребальныя сооруженія, найденныя арабами при завоеваніяхъ въ Западномъ Туркестанѣ, именуются ими словомъ «*наусъ*»³. Ранѣе я имѣлъ случай отмѣтить возможность сближать сооруженіе, означавшееся этимъ словомъ, съ *астоданами* парсійскихъ вѣрованій. Упоминовеніе одного изъ такихъ сооруженій въ Западномъ Туркестанѣ было мною отмѣчено ранѣе — именно *науса* въ Ребинджанѣ (западнѣе нынѣшняго Катта-Кургана)⁴. *Наусъ* этотъ упоминается у Табарі подъ 104 г. X.⁵ Для опредѣленія того, что такое были по размѣрамъ своимъ эти сооруженія, можетъ служить другое извѣстіе того-же автора, именно отъ 112 г. X.⁶ Когда въ этомъ году (Табарі добавляетъ, что по другимъ извѣстіямъ это произошло въ 113 г. X.) турки и ихъ союзники разбили намѣстника Самарканда Сауру-ибн-ал-Хурра въ трехъ фарсахъ отъ Самарканда, по дорогѣ въ Кешъ (Шехри-Сябзъ)⁷, одна часть войска арабовъ (семьсотъ человекъ) бѣжала въ «рустакъ (волость) Мургабъ» и овладѣла въ немъ замкомъ. Но и здѣсь ее настигли турки. Тогда одинъ изъ арабовъ, въ сопровожденіи трехъ спутствовавшихъ, укрылся въ *наусъ*⁸, чѣмъ спасъ жизнь себѣ и спутникамъ,

¹ أهل بیت الموحدين . . . دفنه (слово *тамукъ* объясняется у Наршахи).

² По китайскимъ даннымъ, какъ извѣстно, турки сжигали покойниковъ (см. напр. въ послѣднее время П. И. Веселовскій, Современное положеніе вопроса о каменныхъ базахъ, 26 по Собранію Свѣдѣній, I, 2, 270, къ чему надо прибавить и I, 2, 307). По тѣмъ-же даннымъ у Хунь-ну, Ухуань и Хой-ху практиковалось погребеніе, тогда какъ сожженіе является отличительной чертой Хакасовъ (киргизовъ, что подтверждается и мусульманскими извѣстіями), тогда какъ выставленіе на деревьяхъ отмѣчается у Киданей.

³ Производится отъ греч. *vzós* (ср. O. Schrader, Reallexicon der indogermanischen Altertumskunde, Strassburg, 1901, 81, ав. *нази*, трупъ).

⁴ В. В. Бартольдъ, Къ исторіи орошенія Туркестана, Ижур. Сельскаго Хозяйства и Лѣсоводства, 1914, май, 19, отмѣтилъ, что городу этому, повидимому, соответствуетъ городище съ большимъ курганомъ на Нарпѣ, также нѣсколько западнѣ Катта-Кургана. Добавлю, что городъ этотъ славился въ древности выдѣлкой войлоковъ (Табарі, II, 1249).

⁵ ЗВО, XVII, 0171 и О древне-иранскихъ погребальныхъ сооруженіяхъ и постройкахъ, 105.

⁶ Annales, II, 1512—1543. Ср. и J. Wellhausen, Das arabishe Reich und sein Sturz, Berlin, 1902, 298, anm. 2.

⁷ О мѣстѣ битвы см. В. В. Бартольдъ, Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія, II, 1900, 126.

⁸ (разночт. خرج (قريش بن عبد الله العبدی) في ثلثة فباتوا في ناووس (فأتوا ناووسا) فكمنا فيه. Чтеніе въ текстѣ Кāмилъ ал-Мубаррада, см. The Kāmil of el-Mubarrad, ed. by W. Wright, Leipzig, 1864—1892, 654 (*наусъ* въ юго-западной Персіи).

тогда какъ другіе арабы были умерщвлены. Итакъ, *наусъ* этотъ оказался убжищемъ для четырехъ укрывшихся въ немъ воиновъ. По мѣстоположенію «рустакъ Мургабъ» соответствуетъ волости Маймургъ, съ которымъ тождественъ и въ названіи¹; волость-же Маймургъ опредѣляется точно². Мѣстоположеніе этого *науса* представляетъ значительный интересъ, ибо онъ вѣроятно былъ мѣстомъ погребенія самаркандскихъ владѣтелей, носившихъ титулъ «*ишхидъ*», такъ какъ въ этой волости, главное селеніе которой называлась Ривдѣдъ и находилось всего въ разстояніи одного фарсаха отъ Самарканда, были замки этихъ владѣтелей³. Кромѣ того, не невѣроятно, что это мѣсто соответствуетъ тому погребальному сооруженію согдійцевъ, о которомъ сообщилъ бывшій въ Самаркандѣ за сто лѣтъ до вышеописаннаго событія китасцъ Вэй-цзѣ⁴. Что касается до *науса*, упомянутаго у Табарі подъ 104 г. Х., то я уже имѣлъ случай отмѣтить⁵ китайскія извѣстія о городѣ Кюйшуаннига или Гуйшуанна (древній городъ Фуно)⁶, подвластный царьку, зависящему отъ Кангюя (Самарканда), къ Востоку отъ котораго находилось особое зданіе; на сѣверной сторонѣ этого зданія были нарисованы красками древніе государи Китая, на восточной — турецкіе и индійскіе властители, на западной — повелители Персіи и Западной Азіи; владѣтель этой мѣстности, придя въ это зданіе, совершалъ поклоненіе и затѣмъ удалялся. Эти извѣстія относятся ко второй половинѣ VIII в. по Р. Х. Городъ этотъ отождествляется съ Кушаніей⁷, главнымъ городомъ Кушановъ, находившимся въ одномъ фарсахѣ отъ Ребинджана, сѣверо-западнѣе Катта-Кургана. Извѣстіе о Ребинджанскомъ *наусъ* современно китайскому сообщенію о постройкѣ около Кушаніи и весьма вѣроятно, что это одно и то-же зданіе⁸. Извѣстіе о поклоненіи въ этомъ зданіи владѣтеля города имѣетъ несомнѣнное отношеніе и къ толкованію этого зданія какъ мѣста погребенія, мавзолея, такъ и къ культу предковъ у древняго насе-

¹ ماغرغ = مرغاب, «птичьи воды», чѣмъ устраняется этимологія W. Tomaschek'a, о. с. 81 (=145, ср. ib. 95=159).

² В. В. Бартольдъ, о. с. II, 95 — 96.

³ Bibliotheca Geographorum Arabicorum, III, 279. См. и В. В. Бартольдъ, о. с. 96.

⁴ О древне-иранскихъ погребальныхъ обычаяхъ и постройкахъ, 114.

⁵ Жур. Мин. Нар. Просв., 1911, Февраль, 290, пр. 3 и 4.

⁶ Собраніе свѣдѣній, III, 246 и Chavannes, о. с. 145, п. 2 и 312 (у послѣдняго автора — pavillon à étages dans lequel — и, кромѣ того, имѣется добавленіе изъ другого китайскаго источника, дающаго сообщеніе о томъ, что въ этой странѣ тысяча воиновъ и повелитель ея возсѣдаетъ на тронѣ, украшенномъ золотыми баранами).

⁷ Объ этомъ городѣ см. В. В. Бартольдъ, о. с. II, 98—99. Tomaschek, о. с. 99 (=163), обращалъ вниманіе на лежащее къ Востоку отъ Хатырчи селеніе Кашанъ (ср. ib. 96=160).

⁸ Въ этой-же мѣстности, близъ кишлака Біл-Найманъ, сѣверо-западнѣе Катта-Кургана, были найдены интереснѣйшіе фрагменты оссуаріевъ.

ленія Мавараннахра¹. Какихъ размѣровъ достигали парсійскія погребальныя сооруженія, мы можемъ видѣть изъ рѣдкихъ, но существенныхъ сообщеній мусульманскихъ авторовъ. Такъ, Низъм-ал-мулькъ въ Сійсет-нәмъ² рассказываетъ, что во время Буида Фахр-ад-даулы (послѣдняя четверть X в. по Р. Х.) богатый парсъ построилъ для себя на горѣ Табарекъ близъ Рея, направо отъ дороги въ Хорасанъ, напротивъ большой Рейской горы, близъ развалинъ древняго города, выше гробницы (*гумбеде*) Фахр-ад-даулы, *сутуданъ* (погребальный мавзолей), существовавшій во время Низъм-ал-мулька и называвшійся «мѣстомъ наблюденія военачальниковъ»; мавзолей этотъ, съ двускатной³ крышей, стоилъ парсу очень дорого и для того, чтобы подняться на крышу его, нужно было сбросить съ крыши лѣстницу. Гора Табарекъ связывается преданіемъ съ иракскимъ сельджукидомъ Тогруломъ II (конецъ XII вѣка). Слѣды построекъ на этой горѣ сохранились, повидимому, до сего времени — по крайней мѣрѣ недалеко отъ извѣстной Рейской *дажмы* Парсовъ, имѣются двѣ высокія кирпичныя башни, одна изъ которыхъ называется башней Тогрула⁴.

Для представленія о внутреннемъ видѣ погребальныхъ мавзолеевъ съ оссуаріями (римскіе колумбаріи) обратимъ вниманіе на сходные памятники въ областяхъ той-же или весьма близкой культуры. На самомъ большомъ изъ Бахрайнскихъ острововъ⁵ (близъ аравійскаго берега Персидскаго залива) имѣется расположенный большими и малыми группами рядъ тщательно построенныхъ, нынѣ пустыхъ каменныхъ гробницъ. Всѣ онѣ обнаруживаютъ одинъ и тотъ-же планъ. Входъ обращенъ къ Западу; постройка, выведенная изъ старательно обработанныхъ четырехугольных каменныхъ плитъ, имѣетъ два этажа, при чемъ нижній этажъ выше верхняго; по обѣимъ сторонамъ идущаго отъ Запада къ Востоку корридора находятся ниши, назначенныя для установки одного на другой гробовъ-ящичковъ; рядомъ съ нишами находятся небольшія отверстія, въ которыя вѣроятно вставлялись отъ одной стороны корридора до другой перекладины для обѣтныхъ даровъ и пищи умершимъ⁶. Тамъ были найдены кости людей и животныхъ, два рѣзко выраженныхъ длинноголовыхъ черепа, обломокъ сдѣланнаго изъ сло-

¹ Къ этому-же мѣсту имѣютъ отношеніе и пользовавшіеся большимъ вліяніемъ въ Средней Азій въ эпоху мусульманскаго завоеванія купцы, называвшіеся *Кушккушійми*, «Кушаны, живущіе въ замкахъ». О древней торговой традиціи на Аму-дарѣ и аму-дарынскихъ купцахъ ср. Собраніе свѣдѣній, III, 7.

² Ch. Schefer, Siasset-Namèh, Traité du gouvernement, Paris, 1893 (Publications de l'école des langues orientales vivantes, sér. III, vol. VIII), текстъ 145—146, пер. 215—216.

³ Такъ я перевожу слова *بدو پوشش*.

⁴ E. G. Brown, A year amongst the Persians, London, 1893, 89.

⁵ Encyklopaedie des Islām, I, 608.

⁶ Ср. О древне-иранскихъ погребальныхъ обычаяхъ и постройкахъ, 108.

новой кости быка, золотое кольцо и очень большое количество как сохранившихся, так и разбитых глиняных сосудов со своеобразным орнаментом из черных полосок; надписей никаких не нашлось.

Насъ въ настоящемъ случаѣ интересуетъ внутреннее устройство гробницъ. Ф. А. Розенбергъ¹ привелъ изъ Шахнамъ послѣднюю волю Хосроя Авуширванъ, въ которой, по моему мнѣнiю, можно усматривать въ описанiи погребальнаго мавзолея нѣкоторыя архитектурныя черты. Авуширванъ завѣщаетъ построить красивый мавзолей въ отдаленномъ отъ движенiя мѣстѣ; съ глубокимъ входомъ въ сводѣ высокой арки, высящейся на десять локтей; входъ этотъ надо плотно закрыть отъ чуждыхъ взоровъ дверями. Въ этомъ описанiи я усматриваю закрытую гробницу съ глубокимъ корридормъ. Таковы-же были, вѣроятно, и другiя гробницы, о которыхъ дошли до насъ извѣстiя, относящiяся къ исторiи сасанидской Персiи². Въ подобнаго рода сооруженiя переносились, по мнѣнiю позднѣйшей мусульманской традицiи, останки царей и вельможъ древней Персiи, останки, которые, согласно той-же традицiи, помѣщались въ гробахъ³. Заслуживаетъ вниманiя также мнѣнiе той-же традицiи, согласно которому тѣло Александра Македонскаго было не зарыто въ землю, а похоронено на поверхности земли (въ мавзолеѣ), такъ какъ его считали слишкомъ великимъ, чтобы быть зарытымъ въ землю⁴. Также и нѣкоторыя версiи о погребенiи послѣдняго Сасанида Iездегерда, погребенiя, о которомъ неоднократно упоминалось по поводу оссуарiевъ Туркестана, особо указываютъ на сокрытiе тѣла⁵. Гробъ Iездегерда, по Табарi⁶, былъ деревянный.

Выше мы упомянули согдiйскихъ купцовъ, имѣвшихъ значительное влiянiе въ Туркестанѣ. Большое значенiе имѣли ихъ сношенiя съ Китаемъ и вообще съ восточными странами⁷, при чемъ значительное количество товаровъ заключалось, какъ извѣстно, въ шелковыхъ тканяхъ: при взятiи

¹ Ф. А. Розенбергъ, Хосрой I Авуширванъ и Каръ Великий въ легендѣ (изъ Живой Старины, XXI), 1912, 10—11.

² См. напр. Th. Nöldeke, Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden, Leyden, 1879, 234, 263—264.

³ См. напр. H. Zotenberg, Histoire des rois des Perses par el-Tha'libi, Paris, 1900, 276—перевезенiе въ гробахъ въ Иранъ тѣла четырехъ сыновей Биштасфа и Зеріра, 375—перенесенiе тѣла Исеенліра въ гробу, 383—гробъ Рустема.

⁴ Ib. 449—450.

⁵ Табарi, Annales, I, 2881 и 1883. Въ двухъ версiяхъ стоитъ слово *ناووس* (2874—2875 и 2883), которое въ третей версiи (2881) замѣнено словомъ *عُتِدَ* имѣющимъ значенiе «постройки со сводомъ» (перс. *آيوان*); съ поясненiемъ въ текстѣ *مجلسی الأسقف* (بابای بابان) бывшей въ христiанскомъ страннипріимномъ домѣ (بابای بابان).

⁶ Annales, I, 2872.

⁷ О большомъ имуществѣ, принесенномъ ими изъ Китая, см. Табарi, II, 1445 (104 г. X.).

Пейкенда арабами, одинъ человекъ предлагалъ имъ въ видѣ выкупа—пять тысячъ кусковъ шелковой китайской ткани, дѣйствительная стоимость которыхъ, по сообщенію арабскаго автора, была несравнимо выше, безцѣнна¹. Изъ шелка-же былъ, вѣроятно, кусокъ матеріи для обертыванія ноги жены Бухār-хадата; когда эта женщина бѣжала отъ преслѣдованія арабскихъ войскъ, то потеряла башмакъ съ этимъ кускомъ матеріи; по оцѣнкѣ нашедшихъ этотъ кусокъ, говоритъ арабскій авторъ, онъ стоилъ двѣсти дирхемовъ². Добавлю, что башмаки украшались камнями — при убіеніи тархана Бадгиса одинъ такой башмакъ былъ снятъ арабомъ съ его ноги. По мусульманскому преданію, когда Бахрāmъ Чубинъ взялъ Пейкендъ, среди сокровищъ оказались яко-бы вѣнецъ, поясъ, серьги и выложенные драгоценными камнями башмаки Сіявұша³. Когда арабы убили владѣтеля Кеша⁴, то они въ его имуществѣ нашли украшенные рисунками, позолоченные китайскіе сосуды, китайскія сѣдла, разнаго рода китайскія диковинки и всякія вещи, дѣлаемыя въ Китаѣ, какъ-то атласъ и пр.; все это было отправлено въ Самаркандъ къ Абū-Муслиму. Въ Пейкендѣ при завоеваніи были найдены котлы такихъ большихъ размѣровъ, что на нихъ надо было подниматься по лѣстницѣ⁵. Когда въ 121 г. Х. былъ удаленъ изъ Ферганы арабскій намѣстникъ, то онъ увезъ оттуда большое количество статуй, которыя и поставилъ въ Ушрұсанъ⁶. Какія это были статуи; текстъ не поясняетъ.

Н. Иностранцевъ.

¹ Табарі, II, 1188 (87 г. Х.).

² Табарі, III, 169 (54 г. Х.).

³ Са'алиби, о. с. 655 и 657. Название согдійскихъ владѣтелей въ китайской транскрипціи Томасчек, о. с. 72—73=136—137, сближалъ съ иранскимъ Сіявұшъ, т. е. считалъ ихъ возводящими происхожденіе свое къ Сіявұшу.

⁴ Табарі, III, 79—80 (титулъ этого владѣтеля въ текстѣ إخرید).

⁵ См. напр. Bibliotheca Geographorum Arabicorum, VII, 79—80.

⁶ Табарі, II, 1694—وانصرف منها بثمانين كثره فنصبها في اشروسنة. Въ Ферганѣ по Мас'уді находился яко-бы построенный Каўсомъ и посвященный солнцу храмъ (C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille, Maqoudi, Les prairies d'or, texte et traduction, IV, Paris, 1865, 51—52). Извѣстіе Сюань-Цзана о сходствѣ въ произведеніяхъ и нравахъ Ушрұсаны и Шаша отмѣтилъ еще Томасчек, 54=118.